

АЛЕКСАНДР
СКИДАНОВСКИЙ

ИНТЕРНАТОВСКИЕ

ПЛИЕ, РОНД ДЕ ЖАМБ ПАР ТЕР,
ГРАН БАТМАН, АРАБЕСК...
А ДРУЖБА — НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Александр Скидановский
Интернатовские

«Автор»

2026

Скидановский А.

Интернатовские / А. Скидановский — «Автор», 2026

Алеся — тринадцатилетняя ученица хореографического училища. Она живёт в интернате, где каждый вечер шумит как маленький ураган, все боятся весов, никто не удивляется ноге выше головы, а слово «макароны» может прозвучать почти как угроза. Это история о девочках, которые слишком рано учатся быть сильными, прямыми, лёгкими и дисциплинированными. О балете без глянца: с голодными обмороками от счастья, репетициями, вечными гульками, странными взрослыми и выездными концертами, где опаснее сцены вдруг оказывается поселковая столовая. Смешная, живая и немного колкая проза о взрослении, дружбе, балетном закулисье и детстве, которое всё-таки есть — просто оно трудное.

© Скидановский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	13

Александр Скидановский

Интернатовские

Глава 1

Интернатовские

Александр Скидановский

От автора. Дорогие читатели, перед началом — небольшая просьба. Если текст вам понравится, пожалуйста, добавьте его в библиотеку, поставьте лайк и оставьте хотя бы пару строк отзыва. Даже короткое «жду продолжения» или «понравилось» для меня важно: так я понимаю, что история не ушла в тишину, что она цепляет и что стоит писать дальше. К тому же площадки учитывают библиотеки, лайки, отзывы и рецензии, когда решают, давать ли произведению коммерческий статус. Без этого у текста есть прочтения, но почти нет возможности приносить доход. Спасибо за любую поддержку.

Глава 1. Интернатовские балерины

Мне 13 лет. И меня зовут Алеся. Из интересного ещё что — я живу в интернате. Вернее, лучше так сказать: в городе, где я живу и учусь, есть интернат. И я в нём живу.

Название «интернат», конечно, не очень. Смахивает на детский дом. И нас все в училище называют интернатовскими, а ещё подкидыши или детдомыши. Шутя, конечно. На самом деле у меня всё есть: и мама, и папа, и дом с хамелеоном и братом старшим. И родственников у меня там, в моём городе, просто завались. Всё как у всех, только город мой далеко. И у остальных девочек из интерната, слава богу, живые родители, которые их ещё не бросили, и у каждой есть где-то её дом с уютной комнатой и, может, с кошкой или собакой, или, на худой конец, с сестрой или с бабушкой. Но дело в том, что я и все мы тут проживающие занимаемся балетом. Мы балерины. И училище наше так и называется — профессионально-хореографическое.

И, как говорят наши преподаватели, раз уж мы почему-то выбрали это искусство, то заниматься им надо профессионально. Что мы все и пытаемся сделать. Результаты наших стараний, кстати, очень даже заметны. Особенно когда мы идём гулять с воспитателем из интерната большой кучкой по городу. Воспитательницей из интерната. Потому что многие на нашу кучку оборачиваются. Прохожие, в смысле.

Их понять можно: идёт весёлая гомонящая группа девочек, похожих друг на друга как сёстры. В смысле, лицами — они у всех худющие и глазастые, ещё мы отличаемся длиной шеи, как у жирафа, вечной причёской-гулькой и тем, что мы все проглотили шест. Или указку, или палку — у кого из прохожих на что словарного запаса хватает. В общем, что-то такое, из-за чего мы прямые, как эти самые швабры. И ещё у нас лица всегда весёлые. Несмотря на то что родители и все взрослые, кто с нами рядом, обычно говорят: у этих детей нет детства.

Это, конечно, неправда. Детство у нас есть, просто оно трудное. И живём мы все в интернате как большая семья. Правда, я бы её назвала неблагополучная. Потому что дети в этой семье все с дефектами. Нет, с виду всё очень даже нормально: и оценки, и дисциплина, и привычек всяких вредных, конечно, нет. Это на первый взгляд.

А мой папа, когда мы с ним разговариваем вечерами по телефону, постоянно переживает, что там рядом кого-то то ли убивают, то ли уже убили и выясняют, кто это сделал. Короче, крики и визги стоят такие, что папины переживания понятны. Я бы на его месте также бы подумала. Но я на месте своём и привыкла, что энергия у людей, которые занимаются балетом, утраивается к вечеру. Несмотря на скудное питание, учебную нагрузку и жизнь вне дома.

Единственные две тихо говорящие живые обитательницы интерната — это я и любая на выбор девочка, которая в этот момент спит. А спит здесь в любой момент кто-то обязательно.

И шум, гром, крики и треск его абсолютно не волнуют. Хотя дома этот человек не мог уснуть из-за того, что холодильник у соседей в квартире громко, на его взгляд, работает. Также в любой момент здесь кто-то то ест, то пьёт, списывает домашку, тренируется и разговаривает по телефону.

Самое сложное — это поговорить по телефону. Потому что все места, где это можно сделать спокойно и в более-менее тихой обстановке, не крича в трубку «Что ты сказала?» каждую минуту, обычно заняты. В общем, кругом тут обычная обстановка, когда в помещении есть дети, эти дети там заперты и не могут без разрешения выйти на улицу, и ещё вдобавок живут там же.

Взрослые тоже в интернате есть. Самая главная — это директор интерната. Зовут её Полина Петровна. Мы иногда называем её Полиночка. А когда она не в духе и заявляет нам, что всё, в магазин теперь пойдёте только по средам и пятницам, как и положено, тогда её имя Пол Пот. Между нами, конечно. Но вообще она добрая. Только громкая.

Глава 2

Глава 2. Весы, столовая и училище

И говорит, что видит нас насквозь. Но это, кстати, нетрудно. Почти любой человек нас видит насквозь. Потому что больше всего, чего боится наш брат, вернее сестра-балерина, это не учителя, не оценки, не мохнатые пауки и не молния. Это такая белая штука на полу, на которую надо встать двумя дрожащими ногами и с ужасом посмотреть вниз. Вы догадались, конечно, да, это весы.

Мы все боимся весов до ужаса, и когда нам говорят: девочки, сегодня днём взвешивание, — в училище наступает тихая паника. Все сразу перестают есть и пить. А перед тем как наступить на весы, то и дышать. Все, наоборот, выдыхают весь, до граммулочки, воздух из себя, чтобы быть ещё хоть чуточку легче. Потом ты слышишь как бы издалека голос фельдшера: нормально, перевеса нет, — и идёшь к себе в комнату и уже там падаешь в обморок на кровать от счастья.

Кстати, наши кровати легко выдерживают любые обмороки и не ломаются совсем. Как и вся другая мебель — стулья, столы. Завхоз Николай Николаевич говорит, что наши кровати проживут сто лет и всегда как новые, как будто на них спит не человек, а, допустим, кошка.

Ещё в интернате есть столовая. Там нас кормят пять раз в день. С таким режимом кормления, схожим с режимом на ферме с хрюшками, мы умудряемся быть вот такими прозрачными. Потому что, во-первых, корм наш не такой калорийный, во-вторых, съедаем мы обычно только половинку тарелки. А в-третьих, порции и так маленькие. А как выглядят чипсы и прочие вкусняшки, я лично помню. Потому что память у меня не просто хорошая, а феноменальная. На всё, кроме учёбы, конечно.

Ну что вам ещё рассказать про хореографическое училище. В принципе, всё как и в обычной школе, только мальчиков у нас почти нет. И по коридорам никто не бегают. Все стоят спокойно по кучкам или по одному, разговаривают или разминаются. И у нас никто не будет делать замечания, если какая-нибудь девочка положит ногу, допустим, на перила. Потому что перила для этого у нас и предназначены.

И вообще-то со стороны если бывает посмотреть, как, допустим, разговаривают девочки, когда стоят кучкой, то поначалу вроде всё нормально. Девочки как девочки. Пока одна из них вдруг совершенно спокойно не поднимет ногу вверх, выше головы, и будет стоять так и продолжать разговаривать или слушать. И никто на это не обратит никакого внимания.

Ещё у нас у всех с утра и до отбоя одинаковые причёски. Мы их называем по-всякому — но это такая кучка из волос на затылке. А ещё у нас вместо звонка на урок или перемену играет музыка, а с учителями мы говорим не просто «здравствуйте», а делаем реверанс. А они нам в ответ почему-то нет.

Учителей у нас много. Потому что кроме обычных предметов вроде алгебры, химии и литры у нас ещё есть основные. Это ИБТ — историко-бытовой танец, классика и др. Поэтому в день у нас обычно по восемь уроков набирается. Плюс репетиции. Наверное, из-за этого на переменах никто не носится и не орёт. Все берегут силы.

И самое большое отличие — в классах у нас всего по 17 человек. Поэтому мы быстро узнаём друг друга как облупленных. А так, в общем, всё как в обычной школе. Даже каникулы есть. На которых мы не учимся, а обычно выступаем на концертах. А потом, выступив, уже едем домой к мамам и папам. И там уже набираемся сил на новую четверть. А потом всё сначала.

Глава 3

Глава 3. Бродячая труппа

А концерты проходят в театре оперы и балета. Мы там как родные уже. Потому что каждая бывала там по сто раз. То репетиция, то оркестровая репетиция, то само выступление. Но один раз мы выступали не в театре, а в клубе посёлка, название которого я не скажу. Потому что так пообещала. А кому пообещала, тоже не скажу. Потому что тоже пообещала.

Посёлок этот с клубом был далеко за городом. И нас туда и обратно возили на автобусе, и даже полицейская машина ехала впереди автобуса — и туда, и обратно. Потому что так, оказывается, положено перевозить детей, если в вечернее время. А не потому что мы преступники, как предположили девочки, и нас на самом деле везут в детскую колонию. За то, что мы все списали контрольную по матеше и французскому. Нам как раз до этого на алгебре учитель как-то рассказывала, что в некоторых странах списывание считается как уголовное преступление.

А началось всё с прихода на классный час нашего художественного руководителя Элеоноры Борисовны. Для краткости можно я буду называть её Эля, так мы привыкли. Так вот Эля неожиданно пришла на наш классный час, где мы обсуждали с нашим классным руководителем празднование предстоящего Восьмого марта, и, о чём-то пошептавшись с ней, встала прямо посреди кабинета и невесело сообщила:

— Девочки, у меня к вам хорошая новость. Мы должны участвовать в необычном выездном мероприятии. Это не совсем концерт, а так, хореографическая зарисовка. Или даже мастер-класс. В следующее воскресенье мы выступаем на пару с музыкальным училищем в одном посёлке. Там есть большой клуб. И нас пригласили. Отказываться училищу нельзя.

Тут Эля почему-то, подняв брови, посмотрела куда-то наверх. И даже показала аккуратно пальчиком тоже в потолок. Мы все, подняв голову, посмотрели вверх, потом опять на Элочку и продолжили слушать. Далее она объяснила, что репертуар она уже набросала, всё простенькое: что-то из «Баядерки» с арапчатами. Ну ещё небольшой кусочек из «Спящей красавицы» и можно добавить какую-то импровизацию. Нужно 16 артистов от училища. От музыкантов тоже 16 исполнителей.

— В общем, — Элочка вздохнула, — какая-то вот такая бродячая труппа собирается. Давайте, девочки, список на репетицию я уже повесила. Кто записан, готовимся. Это на один день. Конечно, в выходной. Утром едем туда на автобусе, в обед выступаем, потом обедаем там и назад домой. Всем, кто выступает, лично от себя обещаю сюрприз и большое спасибо.

Мы пока все сидели молчали и смотрели на неё. Элочка покачала головой и нехотя добавила:

— Ладно, хитрюги, и пятёрки по классике.

Тут все моментально захлопали. Это получилось так смешно, что все мы громко рассмеялись, в том числе и учителя.

От автора. Буду благодарен за лайк и пару строк отзыва. Так я понимаю, что история зацепила.

В общем, через неделю в субботнее утро мы были готовы. Наша группа в фойе училища сидела дружно на скамеечке и ждала автобуса. На соседней скамеечке сидели дети из музыкального отделения с большими и маленькими футлярами инструментов. Они были младше нас, но понятно, что выглядели более увесистыми. Там даже было два мальчика. Один такой кругленький, с красными щеками и, наверное, с трубой в футляре. А второй сидел со скрипкой на коленях и грустным худым лицом. И волосы у него были длинные, как у соседних сидящих с ним девочек. Похож он был на Пьеро из Буратино.

Мы все от нечего делать украдкой рассматривали друг друга. Насмотревшись, мы стали расспрашивать Элочку, когда уже поедem. Элочка пожимала плечами и кивала почему-то в сторону музыкантов.

Музыкантов тоже сопровождала педагог. Звали её Изабелла Абрамовна. Это была солидная женщина, похожая на оперную певицу, с высокой причёской и в вечернем платье. Она должна была быть ещё и ведущей всего этого концерта. А значит, и мероприятия.

С нами ещё поехал наш художник-фотограф. Все его, несмотря на возраст, называли Анатолий. Он приходил к нам только когда мы выступали где-то и был немного странным дядечкой. Ему постоянно не нравилось то освещение, то, как мы стоим, или, наоборот, двигаемся. Потом взгляд у нас был тоже не очень правильный. Смотреть надо было ненапрягаясь. Но сам он был очень воспитанным и интеллигентным человеком и к каждому слову претензий добавлял: девочки, пожалуйста.

Ещё он носил шарф вокруг шеи, длинные волосы и беретик. С собой в руках у него был голенастый штатив, фотоаппарат в футляре, переносной на ножках софит и какие-то провода, скрученные в кольца.

Нам всем раздали паёк с названием «сухой». Заглянув в пакетик, мы нашли там сок с трубочкой, бутылочку с водой, пачку печенья, яблоко и йогурт. Почему этот набор назывался сухим пайком, непонятно: сухого там почти ничего не было, а наоборот, всё почти жидкое. Музыкантам тоже раздали, как и нам, пакетики, но добавили ещё и вафли, которые мы бы всё равно не ели.

Глава 4

Глава 4. ПАЗИК-тазик

Наконец с улицы раздался автомобильный сигнал. А в училище, широко распахнув двери, зашёл низенький круглый человек в пиджаке и сапогах и громко сказал:

— Карета для группы подана, — и, не снижая голоса, продолжил: — А где у вас тут санузел?

Музыкантша с Элочкой радостно подскочили и, показывая ему на часы, что, мол, не опаздываем ли мы, повели голосистого дядю показывать, где у нас тут санузел. Мы же все поднялись и с сумками, пакетами и инструментами высыпались на крыльцо.

Около тротуара стоял милицейский уазик с надписью «ОЗЕРСКОЕ РОВД» и включённым маячком на крыше. За рулём сидел человек в полицейской фуражке. На нас он почему-то даже не глянул. Смотрел он внимательно в развёрнутую у него на коленях какую-то карту.

Сразу за уазиком стоял автобус, лишь немножко большего от полицейской машины размера. Передняя дверь его была раскрыта на одну половинку. Щекастый мальчик с трубой при- свистнул и сказал:

— Ого, какой раритет.

И добавил странное слово:

— ПАЗИК.

К тому же этот пазик-тазик был совсем не пустой, а наоборот, полон людьми. Из его окон нас внимательно разглядывали какие-то женщины и бабушки. Больше машин на дороге не было. Куда садиться, было непонятно. Наконец из открытой двери автобуса выглянула женская голова в платочке и громко сказала:

— Ну шо замерли-то, шевели грудями, занимай места, нам ещё на оптовку ехать.

Мы гурьбой стали протискиваться в салон. Поднялся шум и гам. Музыканты пристраивали свои инструменты где-то на потолке, в каких-то сетках. Нам, слава богу, места было нужно немного, а вот упитанным с трубами пришлось туго. Тётушки в автобусе громко нас подбадривали, но места не уступали. Наконец все, плотно утрамбовавшись, оказались внутри. Снаружи со своими штативами и проводами остался только Анатолий.

Одна из женщин, посмотрев в окно, громко спросила:

— А этот что, колготки на шею намотал, не поедет, штоли?

Тут двери училища открылись, и показался довольный дядечка в сапогах и почему-то смущённые наши преподаватели. Дядечка, довольно поглаживая живот, бормотал:

— Проклятая сметана, еле добежал, — и, кряхтя, сел за руль автобуса.

Зашипел воздух, и половинка открытой двери закрылась, мотор заработал и, зарывав коробкой передач, медленно поехал мимо застывших в ряд и удивлённых лиц Элочка, Анатолия и Изабеллы. Полицейская машина тоже загудела мотором и тронулась. Мы все хором, как потерявшиеся в лесу, закричали:

— Стойте, стойте, забыли!

Водитель резко затормозил. Все инструменты посыпались на головы. Он обернулся назад и спросил:

— Что забыли? Бегом бегите, — и зашипев, открылась дверь.

— Учителей забыли! — завопили мы.

— А, учителей, — водитель почесал голову и вышел из автобуса.

Полицейская машина тоже остановилась, и из неё вышел человек в форме. Наши преподаватели, Анатолий и оба водителя собрались в шумную кучку. До нас донеслись обрывки: Элочка нервным голосом твердила:

— Нам должны были прислать другой автобус, по крайней мере без людей.

Водитель автобуса объяснял, что люди, конечно, когда узнали, что автобус едет в город и обратно, набились, и их не выгонишь. У нас из посёлка нелегко добраться даже до райцентра. А вы в областной мне говорите не везти людей. Здесь хотя бы скупиться можно немного. Сейчас на оптовый заедем и домой.

— Как на оптовый? — ахнули преподаватели. — А к вам мы когда попадём? Нет никаких оптовых, — твёрдо заявили они. — Или едем сразу на выступление, или остаёмся здесь.

Автобус зашумел. Тётки, вначале притихшие, слушая этот разговор, подали голос:

— Ишь, какая деловая, живут в городе на всём готовом, а нам как?

— Всё, — решил подавший голос полицейский, нашедший наконец-то в карте нужный ему маршрут. — Все едем до дому, — он властно махнул рукой, и автобус моментально замолчал. Авторитет у полицейского, видимо, был непререкаемый.

— А учителям придётся ко мне в машину, — добавил он и, распахнув боковую дверь, сказал: — Прошу, садитесь.

Наконец все разместились, и мы тронулись.

Глава 5

Глава 5. Столовая вместо клуба

Ехать было очень весело. Женщины с посёлка сразу запели какие-то старые, но мелодичные песни и, толкая нас в бок, говорили:

— А вы чего не подпеваете, артисты тоже.

Щекастый мальчик достал из футляра свой саксофон и начал подыгрывать им в куплетах. Своей трубой и музыкой и, главное, круглыми щеками он очаровал полностью весь автобус, в смысле коренных его пассажиров.

Дорога заняла часа три, и приехали мы уже после обеда. Автобус лихо подрулил к большому длинному зданию и, заскрипев тормозами, остановился. Началась разгрузка. Даже несмотря на то что мы не заезжали ни на какой оптовый, куда-то до нас автобус всё-таки успел заехать. Гора коробок и сумок, выгружаемая из автобуса, была внушительная.

Мы со своими пакетиками и сумками с костюмами сбились в кучку и оказались окружёнными местными жителями разных возрастов и пола. Объединяло всех полное отсутствие стеснительности и острое любопытство. Нас рассматривали и обсуждали так, как будто мы были как минимум глухими.

— Ой, тощие какие, — это было первое впечатление от нас. Сказала его старушка, бодро приковылявшая на шум из своего дома и обрадовавшаяся, видимо, новым людям. — Недоедает, видать, вот тебе и театры, хоть бы детей кормили. Ну ничего, у нас накормят, — закончила она свой монолог.

Здание, к которому нас привезли, оказалось не клубом, а столовой. В его дверях уже стояла женщина исполинского вида и, прикрыв глаза ладонью, рассматривала нас.

— Сколько вас всего? — громко спросила она. — Я на 40 человек накрыла — хватит?

Элочка и Изабелла, поблагодарив, сказали, что, конечно, хватит, и потом обратились к нам:

— Ну что ж, давайте действительно вначале пообедаем. А потом уже и в клуб на репетицию.

Глава 6

Глава 6. Обед в поселковой столовой

В столовую мы вошли шумной толпой. Столы были сдвинуты, и стояли большие глубокие тарелки, каких мы раньше не видели. Музыканты расселись быстрее нас. Элочка вернулась от раковины, где мыла руки, и сказала нам, робко стоящим около входа:

— Девочки, давайте рассаживайтесь.

Алинка, наша староста, сказала:

— Элеонора, вы посмотрите, там макароны в тарелках. Я лично макароны не ела с садика.

— И я, и я тоже, — заговорили другие.

Элочка вздохнула:

— Я тоже не ела, но там же не только макароны, вас никто не заставляет есть всё. Поедите суп, например. Или компот.

В общем, мы расселись, отодвинули нарезанный хлеб подальше, взяли ложки и начали осторожно пробовать суп с крупной картошкой.

От автора. Даже короткая рецензия помогает тексту не потеряться и показывает, что продолжение ждут.

В зал зашла повариха, встречавшая нас на входе, и громко объявила, что добавки много и чтобы мы не стеснялись. А если кто любит пюрешку, то пусть подымет руку.

Музыканты несколько рук подняли. А мальчик, что с трубой, на секунду поднял даже обе руки.

Повариха посчитала любителей картошки и ушла на кухню. Вернулась она, нагруженная тарелками, полными толчёной картошки, расставила по столам и подошла к нам.

— А что это вы ждёте, не едите? — удивилась она.

— А мы уже поели, — осторожно ответила Алина. — Спасибо, очень вкусно.

Мы тоже сказали спасибо и собрались уже вставать, как повариха громко заявила:

— Ну уж нет. Поклевали чего-то. Вы не воробы же, а здесь не скворечник. Я горбатилась в выходной свой не для того, чтобы полные тарелки нести назад поросям. Пока всё не съедите, отсюда не выпущу.

И с решительным видом встала около двери. Размер поварихи был как раз чуть больше дверного проёма, и пройти даже нам не получилось бы.

Элочка, нервно посмеиваясь, попробовала объяснить этой громко говорящей, в белом когда-то халате поварихе:

— Вы поймите: диета, специфика танца, перевес, стресс. Они, в конце концов, просто не смогут.

Повариха сказала:

— Нет и всё. Я столько съедала, когда мне года три было. И выросла, слава богу. А эти... Пока тарелки пустыми не будут, хоть сдвигайте меня трактором, не пушу.

По ней было видно, что действительно не пустит. В общем, мы, давась и запивая водой, каждая съела столько, сколько обычно съедала за неделю. Встать из-за стола было трудно. Все девочки выглядели неважно. Еда всё-таки не влезла полностью в микроскопические желудки и находилась где-то в шее. Слава богу, что шеи у всех нас были длинные.

Наконец повариха пробасила:

— Вот теперь молодцы, а то на сцене бы попадали. Добавку точно никто не хочет? Ладно, жду на ужин сегодня. Не опаздывайте.

Мы поспешили выйти на улицу и начали усиленно дышать. Потом кто-то сказал, что ходьба улучшает пищеварение, и, так как ходить далеко нам было некуда, мы начали ходить на месте.

— Маршируют, — удовлетворённо сказали местные, смотря на нас. — Только как-то не в ногу.

От автора. Спасибо, что дочитали до этого места. Если история вам понравилась, пожалуйста, поддержите её: добавьте в библиотеку, поставьте лайк, напишите отзыв или рецензию. Можно совсем коротко — что рассмешило, какой герой запомнился, что захотелось узнать дальше. Для меня это не формальность, а живой ответ читателя: по нему видно, что работает, что нравится и куда двигаться дальше. А ещё именно такие действия помогают произведению получить коммерческий статус и начать приносить автору доход.

Продолжение следует.